

Я. С. Смирнова

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СЕМЬЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Разработка общей теории этноса показала, что семья является важной микроячейкой этнических процессов¹. Это тем более относится к такой их составляющей, как культурные процессы. При этом семья не только своего рода зеркало культурного взаимодействия — она и сама влияет на культурно-бытовые процессы, ускоряя или замедляя их ход.

У народов Северного Кавказа культурное взаимодействие на протяжении длительного времени протекало и протекает в двух направлениях. Первое из них — взаимодействие культур коренных народов края, результатом которого явилась их известная культурная общность в рамках Северокавказского историко-этнографического региона. Это взаимодействие облегчалось близким родством части местных народов (кабардинцы, адыгейцы, черкесы и абазинцы; карачаевцы и балкарцы; чеченцы и ингуши), сходными условиями их хозяйства и быта, общей для всех, кроме осетин-христиан, мусульманской религией. Второе направление — взаимодействие этих культур с русской и украинской культурой, начавшееся еще в дореволюционном прошлом и значительно усилившееся в советскую эпоху в результате упрочившихся межнациональных контактов и культурно-бытового сближения всех народов СССР.

Разумеется, существовали и другие направления культурного взаимодействия, прежде всего коренных народов Кавказа в целом, но по сравнению с двумя рассматриваемыми здесь оно было значительно слабее. В то время как народы Северного Кавказа тесно соседствуют между собой и с русским и украинским населением края, от народов Закавказья они отделены Главным Кавказским хребтом, в большой мере затрудняющим непосредственное общение.

Характерные для Северного Кавказа процессы и механизмы культурного взаимодействия нашли свое отражение в развитии семьи и семейного быта. В частности, они хорошо прослеживаются в области внутрисемейных отношений и во многих обычаях и обрядах брачно-свадебного, детского и погребально-поминального циклов.

В предреволюционное время, хотя большая семья с ее патриархальным укладом уже в основном уступила место малой, внутрисемейные отношения (или, как обозначают их некоторые социологи, структура семьи) сохраняли авторитарный характер, освященный адатом, шариатом и в определенной мере законами Российской империи. Безраздельно

¹ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 53, 119, 253; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973, с. 140 сл.; «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, с. 430 сл.

господствовал патриархальный порядок подчинения женщины мужчине, детей родителям, младших старшим. Старший мужчина был хозяином почти всего семейного имущества, от его воли всецело зависели раздел и выдел, брачный выбор и расторжение брака. По адату женщина вообще не обладала наследственными правами; по шариату ее доля была значительно меньше доли мужчины. Не обладала она и правом опеки. Внутрисемейные отношения характеризовались не только беспрекословным повиновением младших старшим и оказанием им различных подчеркнутых знаков уважения (своего рода «культом старших» и «культом мужчины»²), но и патриархально-трансформированными архаическими обычаями избегания во взаимоотношениях между супругами, родителями и детьми, каждым из супругов и старшими родственниками другого. На воспитании детей отрицательно сказывались не только обычаи избегания, но и предписанная шариатом ранняя сегрегация полов³.

Будучи обусловлен спецификой патриархально-феодалного строя народов Северного Кавказа, семейный уклад вместе с тем в значительной мере определялся и процессами культурных взаимодействий. Это положение хорошо видно на примере распространения некоторых семейно-бытовых обычаев и норм исламского права — шариата.

Еще в конце 1920-х годов М. Сигорским было высказано предположение, что распространенная у народов Кавказа «свадьба со скрыванием» жениха, а отчасти и невесты в основном совпадает с расселением народов кавказской языковой семьи и для многих из них особенно типична. Наиболее полно она сохранилась у народов адыго-абхазской группы; у чеченцев, ингушей и большинства народов Дагестана лишь отчасти стерлась под влиянием шариата; у грузин, правда, исчезла совсем вследствие вытеснения ее византийским свадебным обрядом. В то же время она в несколько менее выраженной форме фиксируется у ближайших соседей адыгов — индоевропейцев-осетин и центрально-кавказских тюрок — карачаевцев и балкарцев⁴. Эта точка зрения, видимо, верна и может быть подтверждена также и другими фактами. Так, полевые этнографические данные свидетельствуют, что у ставропольских ногайцев «свадьба со скрыванием» вытеснила их прежнюю «открытую свадьбу» сравнительно недавно — в конце XIX — начале XX в. Более того, этот тезис может быть расширен. Гипотеза М. Сигорского верна не только в отношении свадебного скрывания, но и в отношении некоторых вырастающих из него обычаев избегания.

Однако указанная выше точка зрения не объясняет, почему на Северном Кавказе рассматриваемые обычаи надолго законсервировались именно у адыгов и почему они распространялись от них к соседним с ними народам. Между тем для понимания некоторых механизмов культурного взаимодействия этот вопрос представляет немалый интерес. Думается, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что среди патриархально-феодалных обществ Северокавказского региона адыгское, в особенности кабардинское, общество было самым феодализованным. Это влекло за собой два последствия. Во-первых, среди адыгов имелось немало людей, условия жизни которых позволяли им дольше

² К. И. Чомаев. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа. — В кн.: «Вопросы национальной психологии». Черкесск, 1972, с. 130.

³ Подробнее см.: Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт. — В кн.: «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)». М., 1968, с. 185 сл.; *её же*. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. — «Кавказский этнографический сборник», VI («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 106), М., 1976, с. 47 сл.

⁴ М. Сигорский. Брак и брачные обычаи на Кавказе. — «Этнография», 1930. № 3, с. 49 сл.; см. также: Ш. Д. Инал-Ипа. Об абхазо-адыгских этнографических параллелях. — «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», т. IV — «История и этнография». Майкоп, 1965, с. 235, 236.

и полнее придерживаться неудобных в быту традиционных запретов в общении с живущими бок о бок родственниками по крови, браку и свойству. Недаром К. Ф. Сталь писал о тех же адыгах: «...Видеть жену днем, входить к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин — никогда»⁵. Во-вторых, в патриархально-феодальном обществе с присущим ему слабо выкристаллизовавшимся классовым самосознанием обычай, которым следовала социальная верхушка, считались образцом поведения. Насколько это было возможно, им старались следовать и адыгское крестьянство, и соседние неадыгские народы, тем более что некоторые из последних, в частности карачаевцы, балкарцы, часть осетин, чеченцев и ингушей, находились в зависимости от кабардинских князей. Перед нами, таким образом, одно из семейно-бытовых проявлений распространения элитарных элементов адыгской культуры, очагом которой был северо-западный Кавказ.

Не менее показательно другое проявление этого же процесса — заимствование правил поведения, в том числе поведения в семье. Известно, например, что еще в начале нашего века балкарские князья и дворяне посылали своих детей в семьи кабардинской знати учиться здесь тонкостям этикета⁶. Распространение элитарных элементов адыгской культуры было подмечено некоторыми дореволюционными бытописателями и исследователями Северного Кавказа. Так, в середине прошлого века один из наиболее осведомленных авторов, А. Л. Зиссерман, писал, что Кабарда «искони считалась на всем Севере Кавказа образцом, достойным подражания. Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами, как за Кавказом персияне; отсюда распространялась мода на платье, на вооружение, на седловку, на манеру джигитовки; тамошние обычаи, родившиеся при условии существования высшей и низшей аристократии (князей и узденей) и холопов (рабов), прельщали и в других обществах людей, занимавших видное положение между своими, и побуждали перенимать и утверждать у себя такие же порядки»⁷. По его мнению, многие обычаи и нравы осетин явились следствием «сближения с Кабардой»⁸. Аналогичны данные Н. Н. Харузина: он говорит, что появлению у чеченцев и ингушей некоторых новых традиций способствовали «кабардинцы, долго властвовавшие над обоими народами и привившие им многие из своих обычаев...»⁹.

Однако распространялись не только элементы элитарной культуры. Как показывают наши полевые материалы, практиковавшийся в широких слоях черкесского крестьянства брак уходом (т. е. фиктивное похищение), обходившийся дешевле, чем брак по сговору, в предреволюционное время стал заимствоваться у черкесов карачаевской беднотой.

В то же время с востока, из Дагестана и Чечни, на семейный быт народов края воздействовала религиозная, исламская традиция. В XIX — начале XX в. по существу еще продолжался процесс исламизации народов центральной и западной части Северного Кавказа, и предписания шариата постепенно вытесняли нормы адата или же тесно с ними переплетались. Так, хотя древний обычай требовал, чтобы брачный выкуп поступал в пользу семьи невесты, в 1902 г. сход доверенных от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских (т. е. балкарских) обществ Нальчикского округа постановил, что калым должен

⁵ К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа.— «Кавказский сборник», вып. 21. Тифлис, 1900, с. 28.

⁶ Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та, ф. 10, оп. 1, д. 3, л. 40.

⁷ А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867), ч. 2. СПб., 1879, с. 382.

⁸ Там же.

⁹ Н. Н. Харузин. Заметки об юридическом быте чеченцев и ингушей.— «Сборник материалов по этнографии», вып. 3, М., 1888, с. 118.

переходить в собственность самой невесты, которая по своему желанию может выделить часть отцу, но не более половины и только для покупки приданого¹⁰. В 1906 и 1908 гг. представители мусульманских сельских обществ Северной Осетии также приняли постановление о замене калыма кебином, т. е. предусмотренным шариатом обеспечением жене на случай развода или смерти мужа¹¹. Распространялись и другие предписания шариата, в том числе и такие откровенно реакционные, как стремление искоренить последние остатки бывшего равноправия полов. В 1915 г. народный кадий Нальчикского округа провел на сходе решение о «воспрещении всем от десятилетнего возраста женщинам появляться на улицах, а также танцах с обнаженными головами, а также воспрещении девушкам во время танцев брать мужчин за ладонь руки»¹².

Как уже отмечалось выше, еще в дореволюционное время семья и семейный быт народов Северного Кавказа стали испытывать определенное воздействие русской и украинской культуры вследствие как непосредственных контактов с тесно соседствующими выходцами из Центральной России и с Украины, так и начавшегося втягивания коренных народов края в сферу действия российского законодательства. Появились (пока еще, впрочем, редкие) смешанные браки представителей коренных народов с русскими, в особенности кубанскими и терскими казаками, и украинцами¹³. Делались попытки распространить на умыкание уголовное законодательство Российской империи¹⁴ или же бороться с ним при помощи маслагата — инноваций в адате. Например, в 1890 г. доверенные от девяти сельских обществ Малой Кабарды под влиянием русской администрации постановили: «Подвергать денежному штрафу... жениха (похитителя) в размере двухсот руб. и удалению из общества на три года, сообщников похитителя — штрафу в сто руб. каждого с удалением всех их из общества на один год»¹⁵. В 1911 г. этот же вопрос рассматривался в Екатеринодарском горском словесном суде¹⁶. С конца XIX — начала XX в. стали известны случаи отхода от традиционного порядка наследования и опеки и применения в этой области российского законодательства. В частности, Екатеринодарский горский словесный суд удовлетворил просьбы нескольких женщин-адыгеек о наделении их имуществом после смерти отцов и мужей и о поручении им опеки над детьми¹⁷.

Вместе с тем в дореволюционном прошлом народов Северного Кавказа культурное взаимодействие вообще, влияние русской и украинской культуры в особенности, в сильнейшей степени тормозилось национальной, а в отношении почти всего некоренного населения — также и религиозной рознью. Это особенно хорошо видно на примере национально-смешанных браков. Повсюду за исключением некоторых районов, где были сильны ассимиляционные процессы (в особенности черкесско-абазинские районы нынешней Карачаево-Черкесии), население неодобрительно смотрело на смешанные браки даже между мусульманами. Родители невесты порой предлагали жениху-иноплеменнику заплатить

¹⁰ Газ. «Северный Кавказ», 1902, № 2.

¹¹ Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР (далее — ЦГА СОАССР), ф. 11, оп. 10, д. 6950, л. 2.

¹² Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР (далее — ЦГА КБАССР), ф. 159, оп. 1, д. 312, л. 23.

¹³ См. Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии. — «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 137, 138.

¹⁴ П. Агишев, В. Бушен. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912; газ. «Терек», 11 декабря 1914 г.

¹⁵ ЦГА КБАССР, ф. 22, оп. 1, д. 2175, л. 103, 104.

¹⁶ «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1957, с. 414.

¹⁷ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК), ф. 660, оп. 1, д. 182, 436, 438, 443, оп. 2, д. 1436, 1582, 1622, 2105, 2214, 2221, 2222, 2241, 2272, 2274, 2305, 2323.

повышенный брачный выкуп; в других случаях такой брак мог быть заключен только при условии фиктивного или полуфиктивного (без согласия родителей невесты) умыкания. Выход замуж за иноплеменника считался еще более нежелательным, чем женитьба на иноплеменнице (эта распространенная у многих народов традиция, видимо, связана с тем, что при патрилокальном поселении смешанный брак ведет к утрате данным этносом как самой женщины, так и рожденных ею детей). Нередко сюда добавлялись и другие национальные предрассудки, в частности предубеждение против ухода женщин к якобы худшим народам. Так, черкесы или адыгейцы-бесленевцы старались не выдавать дочерей за абазин, так как те некогда были подвластны их князьям¹⁸. Еще сложнее обстояло дело в тех случаях, когда заключению брака препятствовали одновременно и национальные, и религиозные предрассудки. Шариат запрещал брак мусульманки с иноверцем, а законы Российской империи допускали браки между мусульманами и православными только тогда, когда один из будущих супругов принимал христианство. Отмечены случаи, когда родственники убивали девушек, бежавших с «неверным»¹⁹.

Приведенные факты интересны и в том отношении, что показывают не только влияние общей социально-культурной атмосферы на развитие семьи и семейного быта, в данном случае частоты межнациональных браков, но и обратное влияние внутрисемейных отношений на этнокультурные процессы. Ведь именно деспотическая, авторитарная структура семьи была тем непосредственным «запретительным» механизмом, при помощи которого консервативное общественное мнение препятствовало межнациональным бракам и тем самым тормозило процессы культурных взаимовлияний.

Советская эпоха принесла с собой принципиально новые формы и масштабы культурного взаимодействия. Коллективизация и индустриализация в автономных республиках и областях Северного Кавказа, рост городов и значительное увеличение в них доли населения из числа коренных народов края, возрастающая урбанизация сельских районов, преобразования во всех областях культуры и рост кадров местной интеллигенции, преодоление национальной розни — все это повело к небывалому расширению межнациональных контактов и сближению национальных культур. Этот процесс особенно интенсивно шел и идет в разнородной городской среде и в сельских районах со смешанным населением, где, как правило, прежде всего возникают новые культурные, в том числе и семейно-бытовые, традиции, впитывающие в себя лучшее, что есть в традициях народов нашей страны.

В этих условиях у народов Северного Кавказа складываются единый тип структуры семьи и единообразные формы семейных обычаев и обрядов. Большую роль здесь играет также влияние передовой русской культуры. Это и понятно. В Центральной России остатки патриархального быта в семье были изжиты раньше, и ее исторически более развитый уклад не мог не оказать воздействия на семейный уклад отстававших в прошлом народов Советского Востока.

Положительное воздействие русской культуры на развитие семьи и семейного быта северокавказских народов стало заметно сказываться еще в начальный период существования Советской власти. Необходимой предпосылкой формирования новой семьи было раскрепощение женщины, и Центральный исполнительный комитет Горской республики, объединявшей тогда значительную часть нынешних автономных республик и областей Северного Кавказа, распространил на ее территорию

¹⁸ Л. И. Лавров. Абазины (историко-этнографический очерк). — «Кавказский этнографический сборник», 1, М., 1955, с. 22.

¹⁹ Газ. «Горская беднота», 25 августа 1920 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Горского Центрального Исполнительного Комитета

Среди Горских народов с давних пор существует обычай похищения девиц, большею частью против их воли; находя такой обычай вредным пережитком старины, не соответствующим не только новым условиям оврадной жизни, но и правилам Шариата, считая, что такой обычай является грубым насилием и издевательством над личностью свободной Горянки. Горский Центральный Исполнительный Комитет ПОСТАНОВИЛ:

1. На территории Горской Республики безусловно воспретить похищение женщин, как акт гнусного глумления над личностью свободного человека.

2. виновные в нарушении настоящего постановления привлекаются к ответственности и подвергаются заключению до 5 лет в местах лишения свободы и конфискации имущества.

3. Сумма, вырученная от продажи конфискованного имущества обращается 50 проц. в доход Республики и 50 проц. в пользу местного заинтересованного общества на восстановление сельского хозяйства бедняцкого населения.

4. Местные Исполкомы, Милиция и Судебные власти, получившие уведомление о совершенном похищении женщины, обязаны немедленно принять меры к задержанию виновных и освобождению похищенных.

Представители власти, не исполнившие этого подлежат судебной ответственности, как за преступление по должности.

5. Родители, опекуны и родственники горянок принуждающие их к выходу замуж против воли, или препятствующие выходу замуж по желанию, привлекаются к судебной ответственности по заявлению заинтересованной стороны.

Рис. 1. Постановление ЦИК Горской республики о запрещении умыкания. 1922 г.

действие всех законов и декретов РСФСР о равноправии женщины с мужчиной. Горянка получила не только политические и гражданские, но и брачно-семейные права, в том числе права на владение недвижимым и движимым имуществом, его наследование, на развод и на детей при разводе. Была введена гражданская регистрация брака и повышен минимальный брачный возраст, в прошлом для женщины составлявший по шариату 9, а по адатам 12—14 лет. Были запрещены как «вредные пережитки старины» и объявлены уголовно наказуемыми браки с несовершеннолетними, принуждение или воспрепятствование к вступлению в брак, требование брачного выкупа и умыкание²⁰. Постановлением ВЦИК РСФСР в 1924 г. были предусмотрены единообразные санкции за преступления, составляющие пережитки родового быта (иначе бытовые преступления) на всей территории Российской Федерации²¹. В 1928 г. они вошли в гл. X первого уголовного кодекса РСФСР.

Но все эти законодательные меры могли обеспечить лишь юридическое равноправие женщины у северокавказских народов. Между тем необходимо было, как писал В. И. Ленин, равенство «не только по закону, но и в жизни»²². А для этого нужно было научить широкие слои

²⁰ ЦГА СОАССР, ф. Р-41, оп. 1, д. 32, л. 250, 250 об.; д. 117, л. 27, 28; д. 141, л. 6 об.

²¹ «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции», 1924, № 47, с. 353.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 157.

горянок пользоваться их новыми правами, помочь им **приобщиться** к общественному производству и общественно-политической жизни и только таким образом в корне изменить прежний патриархальный семейный уклад. В этой большой работе, проводившейся партийными, государственными и общественными, в том числе специальными женскими организациями, застрельщицами были не только немногочисленные поначалу коммунистки и комсомолки из среды коренных народов края, но и местные и приезжие русские активистки. Они помогали в создании женотделов в партийных комитетах, комиссий по улучшению труда и быта горянок и нацменок (позднее «Комитетов по улучшению труда и быта работниц и крестьянок»), бытовых секций сельсоветов, в организации женских собраний, конференций и съездов. Они же работали в культурно-просветительных кружках, уголках и клубах горянки, пунктах ликбеза и санитарного просвещения, детских учреждениях, учебных заведениях и юридических консультациях. Здесь горянка приобщалась к более развитой культуре, отсюда она несла в семью осознание не только своих новых прав, но и возможностей их реализации. Не случайно при открытии ликбезов и других культурно-просветительных учреждений кулаки и реакционно настроенное духовенство пытались запугать мужей слухами о том, что учащиеся женщин будут увозить в Центральную Россию и переводить там в «русскую веру»²³.

Одновременно менялось положение молодежи в семье. Этому также способствовали как новое, несравненно более прогрессивное законодательство, так и создававшиеся для его осуществления возможности — рост народного образования и профессионального обучения, приобщение к общественному производству в сельском хозяйстве и промышленности. В то же время учебные заведения были теми каналами, по которым шло приобщение к передовой культуре. Характерно, что и в этом случае антисоветские элементы пытались запугать отцов семейств превращением детей в школах и даже в дошкольных учреждениях в «гяуров», не признающих родительского авторитета²⁴.

Процессы культурного взаимодействия еще более активизировались в последующие десятилетия, когда утратили свое значение такие тормозящие факторы, как национальная и религиозная рознь, и стала складываться новая историческая общность — советский народ с присущим ему единым социалистическим образом жизни. В семейно-бытовой области одним из важнейших результатов этих процессов явилась коренная перестройка структуры семьи, все более демократизирующейся по мере роста социальной активности женщин и молодежи. В свою очередь демократизация структуры семьи делает семейный уклад все более открытым для культурных взаимодействий. Яркий, хотя и косвенный показатель этого — быстрый рост национально-смешанных браков. За сорокалетие с 1928 по 1967 г. частота их возросла у адыгейцев в 1,5, у осетин в 2, у карачаевцев в 2,5, у чеченцев и ингушей более чем в 3 раза. Еще более разительный пример — межнациональные браки женщин, участвовавшие за тот же период времени: у карачаевок в 3, у адыгеек в 4, у осетинок и ингушек в 6, а у чеченок в 8 раз²⁵.

Количественные показатели дают возможность и более непосредственно судить о происходящих в семье изменениях в отношении к нега-

²³ Ф. *Перебийнос*. Советская Ингушетия — расцветающая страна. — «Революция и горец», 1931, № 8, с. 36.

²⁴ Государственный архив Адыгейской автономной области, ф. Р-1, оп. 1, д. 288, л. 144, д. 302, л. 7, 12; Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР, ф. Р-264, он. 1, д. 336, л. 43.

²⁵ Рассчитано по данным: Государственный архив народного хозяйства СССР, ф. 8449, оп. 56, д. 56, л. 38, оп. 63, д. 15, л. 122, 143, 150 и архивы загсов Адыгейской а. о., Карачаево-Черкесской а. о., СОАССР и ЧИАССР. Сведения за 1928 г. взяты в пределах Северо-Кавказского края суммарно по национальностям, за 1967 г. — в пределах республик и областей.

тивными традициям семейного быта, иногда еще рассматриваемым в качестве национальных. Как видно из приводимой таблицы, у сельских жителей-кабардинцев и осетин младшие возрастные группы (в большинстве случаев кроме самой младшей, ответы которой, по-видимому, не всегда компетентны), как правило, привержены к таким традициям меньше, чем старшие. Следовательно, они больше открыты для культурных взаимодействий. Характерно, что в среде городского населения в значительной мере открыты для таких взаимодействий и самые старшие возрастные категории. Например, у осетин в возрастной группе 60

Отношение сельских жителей — кабардинцев и осетин к традиционным обычаям и обрядам
(% к числу опрошенных семейных)

Комплексы положительно оцениваемых традиций	Возраст, лет						
	18—19	20—24	25—29	30—39	40—49	50—59	60 и выше
Традиционная свадебная обрядность							
кабардинцы	0,0	37,0	10,1	20,1	17,1	18,4	32,6
осетины	100,0	48,3	39,1	49,2	48,5	45,9	65,2
Обычай избегания							
кабардинцы	0,0	24,2	13,7	23,1	24,5	21,2	27,4
осетины	0,0	8,5	9,7	14,7	13,8	14,7	32,7
Традиционная погребально-поминальная обрядность							
кабардинцы							
осетины	100,0	14,1	22,0	22,8	22,8	19,4	19,7

и более лет горожане одобрительно относятся к традиционной свадебной обрядности в полтора, а к обычаям избегания в два раза реже, чем сельские жители (соответственно 42,5 и 65,2% в первом случае и 16,0 и 32,7% — во втором) ²⁶.

Результаты таких взаимодействий сейчас сказываются в нескольких направлениях. Одно из них — продолжающееся взаимовлияние элементов семейного быта коренных народов Северного Кавказа, в ходе которого региональная специфика, постепенно освобождаясь от несовместимых с советским образом жизни негативных черт, сохраняет и развивает свои положительные черты. Это хорошо видно, например, в Карачаево-Черкесии, где процесс культурного взаимодействия охватил четыре тесно соседствующих коренных народа. Наблюдаемое сейчас у них вытеснение брака уходом (фиктивного похищения) браком по сговору еще до Великой Октябрьской социалистической революции началось у черкесов и абазин и только в самые последние годы стало охватывать и ту часть карачаевцев, которая в прошлом под влиянием тех же черкесов переходила от брака по сговору к браку уходом. В свою очередь примерная рекомендация сценария современной национальной свадьбы впервые была создана (в 1964 г.) на основе и для свадебного обряда карачаевцев, и только ее известный успех стимулировал в дальнейшем работу над примерным сценарием современной черкесской свадьбы. Учитывая национальную специфику, эти теперь уже в определенной мере реализованные сценарии вместе с тем предлагают и много сходного или общего для свадебной обрядности обоих народов. Наконец, насколько можно судить по нашим полевым данным, начавшие в самое последнее время распространяться черты полутрадиционной-полуграж-

²⁶ Эти и последующие количественные показатели получены в результате этносоциологического обследования, проведенного в 1973—1974 гг. Северо-Осетинским и Кабардино-Балкарским научно-исследовательскими институтами. Материалы — в архивах Северо-Осетинского НИИ и Кабардино-Балкарского НИИ.

данской погребальной обрядности сперва появились в ногойских селениях и только затем стали проникать к черкесам и абазинам. Важно отметить, что взаимодействие прогрессивных черт семейной обрядности — одновременно и естественный стихийный процесс, и процесс, сознательно направляемый такими государственно-общественными организациями, как республиканские и областные комиссии по выработке и внедрению в быт новых обрядов. Эти комиссии, представители которых встречаются для обмена опытом на межреспубликанских и межобластных совещаниях, своей работой также способствуют взаимодействию прогрессивных черт семейного быта народов региона.

Другое направление — общее культурное взаимовлияние всех народов СССР, в ходе которого складываются общесоветские черты семейных обычаев и обрядов. Таковы, например, широко распространяющиеся у всех народов Северного Кавказа торжественные регистрации бракосочетаний и рождений, свадьба без скрывания жениха и невесты, свадебное одаривание не родни, а самих виновников торжества, празднование родин независимо от пола младенца, празднование дня рождения детей, начавшееся замещение традиционной религиозной погребальной обрядности гражданскими похоронами. Таково же наблюдающееся у всех народов региона, как и у других народов нашей страны, общее постепенное упрощение обрядности путем слияния многочисленных в прошлом обрядов свадебного или родильного циклов в одно празднество, а погребальных ритуалов — в одну торжественно-траурную церемонию²⁷.

Немалый вклад в формирование общесоветских семейных обычаев и обрядов продолжает делать самый крупный из народов СССР — русский народ. На Северном Кавказе ряд современных особенностей семейного быта и элементов обрядности стал распространяться под непосредственным культурным влиянием соседнего русского населения. Это, например, свадебное одаривание молодоженов товарищами по работе, празднование дня рождения детей, устройство новогодней елки, захоронение в гробу, цветы на похоронах. Однако и сами народы Северного Кавказа, как и другие народы СССР, участвуют своими лучшими традициями в складывании общесоветских обычаев и обрядов. Примером могут служить некоторые повсеместно входящие в быт черты кавказского этикета застольных тостов. Еще более яркий пример — широко распространившийся ныне и среди русских старинный обычай адыгских народов сажать в честь рождения ребенка фруктовое дерево (некогда преимущественно грецкий орех или грушу, считавшиеся священными²⁸). Наблюдаются и такие семейно-бытовые влияния коренных народов региона на соседнее русское население, как заимствование в некоторых смешанных по своему национальному составу селениях Северной Осетии обычая помогать деньгами семье покойного в устройстве похорон и поминок.

Недавно привлечено внимание еще к одному направлению культурного взаимодействия — планетарному²⁹, в процессе которого складываются некоторые общечеловеческие черты современного семейного быта. По существу это проблема изучения современного так называемого городского или, говоря шире, урбанизированного быта. В семейно-бытовых традициях народов Северного Кавказа некоторые общесоветские черты, по-видимому, в то же время могут рассматриваться и как планетарные или же по крайней мере имеющие тенденцию к планетар-

²⁷ Ср.: *Н. П. Лобачева*. О формировании новой обрядности у народов СССР (опыт этнографического обобщения). — «Сов. этнография», 1973, № 4, с. 14 сл.

²⁸ *Т. Т. Шикова*. Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем. Автореф. кад. дис. М., 1956.

²⁹ *Ю. В. Бромлей*. К вопросу об этнографическом изучении современности. — «Сов. этнография», 1977, № 1.

Рис. 2. Общесоветские семейные обряды: а) Обмен кольцами во время торжественной регистрации бракосочетания. Майкоп, 1974 г.; б) торжественное вручение свидетельства о рождении. Черкесск, 1974 г.

ности. Таковы, в частности, подарки молодоженам к свадьбе, а детям ко дню рождения, обмен обручальными кольцами, общий процесс сокращения и упрощения обрядовых циклов.

Разумеется, культурное взаимодействие на всех его направлениях и сегодня проходит не без помех, оставшихся в наследство от былой этнокультурной ограниченности. «Проявления национализма и национальной ограниченности, — указывается в программе КПСС, — не исчезают автоматически с установлением социалистического строя. Националистические предрассудки и остатки былой национальной розни — это та область, где сопротивление социальному прогрессу может быть наиболее длительным и упорным, ожесточенным и изворотливым»³⁰.

³⁰ «Программа и устав Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, с. 43.

Рис. 3. Уходящие традиции: а) Невеста под покрывалом на ингушской свадьбе. Сел. Плиево, 1965 г.; б) похоронная процессия в балкарском сел. Бабугент. На кладбище идут одни мужчины. 1965 г.

В каждую историческую эпоху культурно-бытовые традиции становятся частью этнокультурной специфики и воспринимаются как традиции этнические, национальные. К тому же в обыденном сознании связанные с этим представления обладают своей инерцией. Поэтому и сейчас в остальных слоях населения не изжитая тенденция рассматривать в качестве современных этнических традиций такие негативные пережитки прошлого, как своего рода культ мужчин и стариков, свадебное скрывание и обычаи избегания, брачный выкуп и обрезание мальчиков, религиозные праздники и религиозный ритуал похорон, а в отдельных случаях даже похищение невест и семейную вражду³¹. Как исключение, поборники этнокультурной ограниченности встречаются и среди молодежи: несколько лет назад «Комсомольская правда» цитировала письмо

³¹ См.: М. Г. Абдуллаев. О характере и формах проявления некоторых этнических предрассудков в быту (на материалах Северного Кавказа).— «Ученые записки Ставропольского гос. педагогического ин-та, вып. 1. «Некоторые вопросы кавказоведения». Ставрополь, 1971, с. 299 сл.

нальчикского студента, советовавшего «развестись всем, кто состоит в смешанных браках»³². Эти и им подобные этнокультурные предрассудки — яркая иллюстрация к известному положению К. Маркса о том, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»³³. Понятно, что отношение ко всему, что донесено традицией как к неперемемному достоянию народов и их культур не может не замедлять процессы культурных взаимодействий.

Однако объективные условия советской действительности таковы, что эти процессы с каждым десятилетием становятся все более интенсивными, причем их ведущим направлением является складывание общесоветских форм. Как говорилось выше, это в большой степени облегчается возникновением у народов СССР единообразной демократической структуры семьи. Последнее время, в условиях развитого социализма, народы региона быстро изживают последние реминисценции патриархальщины, такие, как сохраняющаяся кое-где авторитарность глав семей или еще нередкое благоговение перед мнением престарелых родственников и соседей. Их полное и окончательное преодоление еще более ускорит процессы культурно-бытового сближения советских народов.

---

³² «Комсомольская правда», 6 января, 1971 г.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 119.